

Величие советской науки

На днях советская общественность отмечала столетие со дня рождения замечательных деятелей русской техники П. Н. Яблочкова и А. Н. Лодыгина — изобретателя, подарившего миру электрическое освещение, «русский свет», как называли его на Западе. Есть черта в их работе, характерная для всей русской науки и тысячелетно усиленная наукой советской: смелость и независимость мышления.

Оба изобретателя пошли по пути, принципиально новым для науки своего времени, — они не совершенствовали работы предшественников, а подымали цели. На них, восторженно для человечества Яблочковым и Лодыгиным, десятилетиями собирали богатый урожай их американские и западно-европейские зпигионы.

Традиция поисков новых путей и критической проверки научного наследия, смелого отказа от устаревшего, от всего, что задерживает прогресс, началась у истоков русской науки. Кто посмел бы в XVIII веке выступить против непреклонного авторитета Ньютона? Только Ломоносов на заре русской науки вступил в спор с Ньютоном в защиту волновой теории света. Истина была на его стороне. Ломоносов сумел глубже Ньютона проникнуть в тайны космоса.

История нашей русской науки — это цепь наумительных дерзаний, великодушных взлетов мысли и тончайших исследований. Менделеев потрясает научный мир точным определением не только количества, но и свойств элементов, которые найдут применение в будущем. Лобачевский создает построение, все величие которых поняли лучшие математики мира только десятилетия спустя. Калужский учитель Цюлковский конструирует ракетный двигатель, которого еще и в мечте не провидела техника Запа- да, Московский профессор Жуковский разрабатывает теорию летания прежде, чем оторвался от земли первый аэроплан, и вооружает конструкторов теоретическими расчетами на полвека вперед. Провинциальный садовод Миучини спокойно и без всякой помпезности, которую так любит на Западе, переделывает природу на свой, более удобный для человечества, лад.

Через головы правящих классов, не замечавших с равнодушием неведж великих достижений русской науки, ученые протягивали свои труды народу. Они работали для отечества, чувствовали себя в мировой науке представителями народа, его достоинства и его гения.

«Наука должна сойти с пьедестала и заговорить языком народа, т. е. популярно», — писал великий ботаник и подлинный демократ Тимирязев. Стремление к слиянию с народом, к служению народу одушевляло русскую науку. Ее лучшие представители были не только блестящими исследователями, но и прогрессивными общественными деятелями, нередко связанными с революционно-демократическими кругами. Они думали о завтрашнем дне отечественной науки и о судьбах своего народа.

Недаром Менделеев, наряду с «Основами химии», писал о производственных силах России и перспективах развития промышленности. Он яростно боролся с хищническим методом эксплуатации нефтяных промыслов, который применял иностранный концессионер Нобель. Менделеев был прямым предком советских ученых, сочетающих глубинные теоретические исследования с постоянной заботой о пользе народной.

Павлов, смело раскрывший тайны высшей нервной деятельности, которых едва смеялись касаться ученые Запада, нанесший сокрушительный удар идеализму Тимирязева, пролагавший новые пути в естествознании, перешагнули порог старого мира и вышли на простор социалистической культуры. Как Горький стал связующим звеном между русской классической литературой и литературой нового общества, так Тимирязев, Павлов, Цюлковский ковали звено, соединявшее советскую науку с лучшими традициями прошлого.

Еще шли бои с белогвардейцами близ Курска, а академики Губкин и Лавровский изучали в районе сражений магнитную аномалию, чтобы прибавить к богатствам Родины огромные запасы руд. Еще полыхало пламя гражданской войны, а академики Ферман исследовали апатитовые залежи Севера, предвидя их огромное значение для промышленности молодого государства.

Но научные экспедиции того времени были только первым признаком наступления новой эры, отмеченной неравновесностью, единством интересов народа, государства и науки.

С каждым годом советские ученые активнее и смелее вторгались в жизнь. Это было следствием не только и не столько новых материальных условий научной работы — небывало широкого строительства научно-исследовательских институтов и превосходно оборудованных лабораторий, — сколько качественного своеобразия советской науки.

Впервые в истории человечества основой жизни и прогресса народа стала научная теория, самое высокое достижение мировой науки: учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

У кормила государства стали Ленин и Сталин великие ученые, гениально определившие законы развития современного общества.

В созданном Лениным и Сталиным социалистическом государстве наука служит народу, и только ему, его интересам. Это определяет естественную и прочную связь теории с практикой, науки с техникой.

Строительство науки в советской стране невиданно по масштабам. В царской России было около тысячи ученых. В Совет-

ском Союзе ко дню его тридцатилетия больше тысячи научно-исследовательских институтов и около ста тысяч научных работников.

Вокруг новаторов науки собираются коллективы ученых, представителей всех национальностей Советского Союза — не робких учеников, а равноправных участников творческой работы.

Ученые у нас — не замкнутая каста. Постоянный обмен живыми творческими силами между научными учреждениями, с одной стороны, и заводами, колхозами — с другой, делает нашу науку подлинно народной.

Академик Бардин отправляется работать главным инженером Кузнецкого комбината, а инженер Винтер и Александров, строители Днепротреста, принимают участие в академических трудах, потому что их практическая деятельность — то же время высшего научного достижения. Академик Лысенко обогащает колхозников результатами своих смелых теоретических исследований, а выдающиеся агрономы передовых колхозов занимают место за столом сельскохозяйственной академии и своим опытом оплодотворяют науку. Академик Чаплыгин вооружает конструкторов результатами тончайших математических исследований, а Миклулин приносит в Академию наук свое блистательное конструкторское дарование.

Стиль романтики смелого планирования работ и реалистически трезвого осуществления планов, стиль, свойственный практическим советским деятелям, — стал и стилем науки.

Ученые Советского Союза вдохновлены общей целью работы — перестройкой страны, восхождением к коммунизму. Но единство цели — лишь одно из условий, обеспечивающих плодотворность коллективного труда. Другое условие — единство метода, единство мировоззрения. Оно создает гармоничность творческих поисков и достижение всего огромного отряда наших ученых. Все с большим успехом применяет советские ученые метод диалектического материализма в самых различных областях знания.

В иные условия, резко отличные от наших, поставлена наука на Западе. Ленин писал, что буржуазия превратила «образование и науку, высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того, чтобы громадное большинство людей держало в рабстве».

Процесс, который прозорливо увидел Ленин, необычайно обострился в последние десятилетия, стал явным для каждого. Ученые Америки получают право пользоваться оборудованием исследовательских институтов и лабораторий за дорожную плату: отказ от служения интересам человечества и своего народа. Они лишены вдохновляющего счастья трудиться ради интереса и нужд мира. Плодами своих работ они обогащают монополию. В направлении творческой мысли, в выборе тем работ они зависят от монополий и, значит, помогают порабощать народ, снижать его жизненный уровень. Их зависимость от восточного капитала неизбежно ведет к деградации науки.

Ибо переломная наука — это та, «...которая не оторговливается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой». Эти слова товарища Сталина определяют особенности развития советской науки, показывая истоки ее выдающихся успехов. Эти слова товарища Сталина показывают и всю бессмысленность, нелепость преклонения перед наукой Запада, проданной капиталу и развращенной монополией. Советская наука с уважением относится к исследованиям тех ученых Запада, которые еще не потеряли окончательно совесть и силу научного мышления. Но не могут наши ученые уважать в целом науку, составившуюся вальсующую работу, временности — освобождение внутрентормой энергии — поставив на службу империализму, предназначенную для истребления людей и разрушения построенного ими, а для создания новых ценностей.

«К лицу ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников?» (А. А. Жданов).

Наша наука доказала свою независимость и верность народу теоретическими исследованиями, имеющими мировое значение, органическим, жизненно-важным участием в социалистическом строительстве, в осуществлении сталинских пятилеток, в обороне страны.

Третий день идут заседания юбилейной сессии Академии наук. Восемьдесят докладов, освещающих тридцатилетний путь советской науки и ее перспективы, — это смирот сил перед новым полетом, проверка готовности к штурму цели, поставленной товарищем Сталиным, — превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Высоко поднялась за великое тридцатилетие советская наука. Но не по инерции будет пройден оставшийся отрезок пути к озаренным солнцем высотам коммунизма. Новых усилий, новых дерзаний, все большей отваги, мысли и высокого напряжения труда ждет народ от своей науки. И ученые оправдают доверие страны, как зрители дивились его до сих пор. Силы для нового восхождения накопились. Они неисчерпаемы, потому что источник их — народ. Они приведут к вершине, на которой воздвигнут свой светоч Ленин и Сталин.

Открылась юбилейная сессия Академии наук СССР

Многоярусный, сверкающий огнями и золотой зал Большого театра. Вместе с Большим залом Кремлевского дворца и Колонным залом Дома союзов он стал традиционным, этот зал. Здесь отмечаются значительные события нашей советской действительности, здесь проводятся торжественные собрания, которые входят потом в летопись нашей жизни. И не случайно юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, открылась здесь. Наука стала кровным делом советского народа. Праздник советской науки стал праздником всей страны.

23 октября в Большом театре собрались ученые, государственные и общественные деятели, мастера литературы и искусства, представители московских предприятий.

С огромным подъемом участники сессии избрали в почетный президиум полководца ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

Заседание открылось вступительной речью президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова.

Вице-президент Академии наук СССР академик В. П. Волгин зачитал доклад академика А. Я. Вышинского на тему «Учение Ленина—Сталина о пролетарской революции и государстве».

Академик И. И. Минаев сделал доклад на тему «Стратегия Великой Октябрьской социалистической революции».

С исключительным подъемом участники сессии приняли приветствие товарищу И. В. Сталину и приветствие товарищу В. М. Молотову.

Затем академик С. И. Вавилов огласил полученные в адрес юбилейной сессии приветственные телеграммы от академика А. Я. Вышинского и делегации СССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи организации Объединенных наций.

Сессия продлится до 2 ноября.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2364)

Суббота, 25 октября 1947 г.

Цена 40 коп.

Новый день социализма

Вера КЕТЛИНСКАЯ

Остались сутки, остались часы... И Ленинград выполнит план второго года пятилетки. Опережая время, великий город — колыбель социалистической революции — вступает в новый победный 1948 год.

Закономерно, верный своим глубоким революционным традициям, город-воин стал героем труда.

Казалось, что этому израненному городу нужно еще долго заживать раны и восстанавливать свое хозяйство, прежде чем браться за большие производственные задания для всей страны.

Да, так казалось. Трудно расказать, какой болью смотрели ленинградцы, зажатые в кольцо осады, на опустевшие цеха, где гулял ветер и сквозил разбитые стекла крыши оседал снег на умокшие ступени. Скоро ли восстановится все это? Скоро ли поднимется? Вернется ли к трудовому Ленинграду его былая слава передовика, автора, значительных сложных и ответственных производственных дел? С хорошей ревностью, понятной всем творческим людям, с невольной завистью, свойственной мастерам, лишенным простора для приложения своего мастерства, ловили ленинградцы купные известия с тыловых бурно растущих заводов. Я помню одного инженера-конструктора, оставшегося на своем заводе в Ленинграде и героически, с талантом и технической смелостью решившего проблему ремонта турбины, разбитой прямым попаданием снаряда. Конечно, он был удовлетворен тем, что быстро восстановил турбину и вернул ленинградцам свет, тогда как две комиссии признали быстрой ремонт не возможным. Дожидаясь, если бы ему пришлось заново решить, остался ли в осажденном городе или эвакуироваться с конструкторским бюро, он снова решил бы остаться и пережить все бедствия и пойти наперекор комиссиям и дать ленинградцам свет... Но с какой ревнивой завистью сколько проронил он тогда:

— А там, на Урале, сейчас такую турбину проектируют!..

И сразу заговорил о другом, потому что боялся отстать была слишком интимна и в тех условиях, когда решались вопросы жизни и смерти, казалась неуместной.

Но эта боязнь — плодотворная боязнь — жила в смелых душах и порождала тоску по большому труду, по большому, умному, дерзкому творчеству. Вместо массового выпуска снарядов и мин — турбины, сложные приборы, перелазящие стелы, каких еще не делали, — вот о чем мечтали про себя люди, обслуживая свой близкий фронт. И эта мечта стала одной из предпосылок изнуренного успеха.

Еще шла война, когда в освобожденный от блокады Ленинград потянулись другие ленинградцы — те, кто ковали победу на Урале и сражались на фронтах. Истосковавшиеся по родному городу, гордые его воинской славой, они жаждали внести свою долю в дело восстановления и приложить к пользе Ленинграда свой накопившийся трудовой опыт, свою боевую сноровку. С окончанием войны этот поток стал шире, а жажда мирного труда — неистощима. И это стало второй предпосылкой нынешнего успеха.

С какой страстью, с каким азартным подъемом влились ленинградцы за восстановление! А потом в их сознание вошли слова Сталина, раскрывшего грандиозную перспективу развития страны на пути к коммунизму, потом в жизнь вошел пятилетний план. С полным доверием к его силам Ленинград поручалось быть лидером сложного машиностроения, кораблестроения и производства точных приборов.

В плане не было скидок на пережитое, да и не могло быть — ленинградцы не приняли бы скидок.

План ставил жесткие сроки, выдерживать их было трудно, а жизнь была еще неустойчивой и тяжелой. И все-таки ремонт жилищ отставал от ремонта цехов — люди брлись за главное, решающее, были готовы потерпеть с домашним уютом, но обеспечить тот общий размах жизни, который сулила пятилетка. Участники 900 дней обороны, фронтовики, прошедшие по многим странам Европы, и работники тыловых заводов, хорошо запомнившие военную трудовую страду, все понимали, что их будущее — в силе государства, а сила государства будет расти вместе с осуществлением вот этого плана всем народом в целом и каждым человеком, в частности.

На помощь пришло социалистическое соревнование.

Эти два слова стали такими привычными, что их упоминали, не задумываясь. А между тем формой и содержанием социалистического соревнования меняются вместе со всем ходом нашего развития. Из тех крупных нового общественного метода, о которых не переставал говорить Ленин в ряде статей и выступлений, прозревая в них будущий закон социалистической жизни, соревнование превратилось в мощное всенародное движение в годы сталинских пятилеток.

17 ноября 1917 года Ленин сказал: «Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунается в родник живого народного творчества».

Вся тридцатилетняя история нашего государства подтверждает эти слова. И соревнование сегодня — это уже не ролик, а непрерывная река живого творчества народа, обремененного и доверием своих руководителей, и правом свободно творить.

Начальник стахановского участка турбинного цеха Кировского завода, основоположник нового метода руководства трудом Анатолий Боровиков так определял привлекательность своей заводской работы: «Новое, новое, каждый день новое — на всю жизнь хватит».

Чувство повзвына происходившего окутывает каждого, кто приближается к интересам и работам заводских людей. Есть, такие новые радости, которые еще только пробиваются, их не сразу разглядишь, не всегда заметишь. Но есть уже определенные новые черты повзвынающегося социалистического труда, и в них очень отчетливо проступает то, что я назвала бы возмужанием. Это — итог войны. В сознании и характере людей отложился огромный организационно-технический опыт боевого труда, на-

ки командирской ответственности и солдатской инициативы, взаимной выручки и дисциплины. Железная организованность, плановость и размах сталинских наступлений воспитали привычку и вкус к такому — и только такому — массовому действию, потребности в нем, суровой требовательности к себе и другим, к товарищам и к руководителю.

Вспомним, что и опыт военных лет возник не на пустом месте, а на почве, подготовленной годами строительства социализма, накоплением технической и организаторской культуры, воспитания миллионов людей в социалистическом творчестве. Образно говоря, школа Днепротреста сказала и при беглом форсировании Днепра.

Мы научились смотреть в корень, — сказал мне один из передовых работников Кировского завода Сергей Буштырков, чей участок — сплошь стахановский — первым в Ленинграде перешел на многостаночное обслуживание, причем большинство рабочих овладело двумя и даже тремя профессиями.

Подняв знания предоктябрьского социалистического соревнования, заводские люди стали смотреть в корень всех недостатков и достижений. Они не рассчитывали на аврары, на штурмовые ночи, хотя и были готовы к ним, если понадобится. Они не хотели побеждать штурмовщиной! Они искали путей к победе в коренном усовершенствовании методов и организации труда — от своего рабочего места и вплоть до заводоуправления. Они налаживали организацию труда и расстановку сил, как в бою, когда фланги должны быть крепки и гибки, тылы мобильны и безотказны, каждое подразделение подвижно и активно.

Трудовому усилию сопутствовала творческая мысль. Рационализаторские предложения подавались тысячами работников, а еще тысячи придирчиво следили за тем, чтобы каждая полезная мысль была превращена в дело. Сергей Буштырков рассказывает, что молодые работники, совсем недавно пришедшие в цех, ежедневно спрашивали: «Где затирает? Что еще можно сделать? Все ли делается, чтобы работа шла отлично?»

Конечно, массовое социалистическое соревнование — особенность не только наших дней. Кто скажет, что на Днепре, на Магнитке, в Комсомольске, на Сталинградском тракторном не было массового подъема? Новую черту наших дней является, мне кажется, организованность массового распространения стахановских методов.

Почин Василия Матросова по существу очень прост, но он мог возникнуть только теперь. Весною в одном из районов Ленинграда за Московской заставой было почитано, что на заводах и фабриках района каждый второй рабочий — стахановец. Словом, достаточно каждому стахановцу обучить своему методу одного рабочего — и будут сплошь стахановские участки, цеха, заводы.

В Ленинграде стахановские участки и цеха насчитываются уже многими десятками, а с каждым днем их количество растет. Да и как может быть иначе, если совсем «зеленые» новички интересуются повседневно тем, «где затирает» и как можно улучшить общий ход дела на всем участке?

И еще характерная деталь знаменательного процесса — сегодня великий стахановец завода не гонится за одиночным рекордом, он добивается общего ритмичного подъема всего производства. Ритм — обязательно нарастающий, но четкий, без перебоев, — вот цель усилий и поисков.

Умнее масштабно, государственно мыслить, творческий подход к своему труду и стремление рационализировать, усовершенствовать труд на основе самой передовой техники, изучение этой техники и внесение в нее новое, своего, подкажанного практическим опытом, теоретическими знаниями и сознанием необходимости неустанного движения вперед, — это и есть интеллигентность. Круг интересов такого рабочего-интеллигента широк, душевный мир сложен, мечты и запросы многообразны, и в то же время самый смелый полет его мысли никогда не отрывается от человеческой практики, а потому не бесплоден, что нередко отличало интеллигента старого типа, оторванного от живой трудовой деятельности.

К сожалению, до сих пор этот процесс становления нового типа социалистического рабочего еще очень мало затронут нашей литературой, и рабочие порою изображаются упрощенно, без раскрытия всего богатства их внутреннего мира. Без понимания происходящего сейчас, рядом с нами, глубокого процесса изменения людей нельзя двигать вперед литературу. А ведь роль литературы в ускорении этого процесса может быть очень велика и почетна. Где еще и приложить свои силы инженеру человеческих душ?

То, что происходит сегодня на заводах, есть победа социалистического стиля. Это новое качество заложено в самом характере социалистической промышленности и сперва робко, потом все смелее развилось с тех первых дней, когда рабочие завоевали власть и стали из порабощенного класса классом господствующим. Но как же все изменилось за тридцатилетие. Нет, даже за последние пятнадцать лет!

Старый краснопутливцев Петр Дмитриевич Никитин рассказывал мне о том, как в начале тридцатых годов ему приходилось ломать сопротивление консервативных специалистов и администраторов, налаживая работу только что нарождающихся производственных совещаний. Захотели рабочие послушать сообщение о себестоимости их продукции, — им ответили: «Все равно не поймем». Вносили предложение о рационализации труда, — им пытались внушить, что на то есть инженеры, они знают, что нужно и что не нужно. Союзов, советских специалистов было еще очень мало, а старые частью были враждебны, а в большинстве своем еще не понимали поэзию и полноту творческой энергии рабочих. Сегодня эти рассказы слушаешь, как рассказы о глубокой старине...

За мир, за демократию! Обращение писателей Болгарии

Болгария — маленькая страна, но было бы несправедливо, если ее голосом пренебрегли те, кто действительно защищает свободу и демократию. Мы обращаемся к людям с чистой совестью, для которых свобода народов не является объектом купли-продажи и которые знают, что самый большой враг свободы — это фашизм. Болгарский народ уже больше десяти лет ведет непримиримую борьбу с фашистской диктатурой. Сейчас перед ним стоит первоочередная задача: сохранить так дорого завоеванную свободу. Одной из предупредительных мер была казнь заговорщика Петкова.

Западная реакционная пресса подняла по этому поводу невообразимый шум. Для нее этот предатель — герой, а законный приговор — акт отщепенца. Мы не согласны с таким своеобразным «человеколюбием» и не удивлены, что Петков нашел столь горячих защитников в той среде, где поворачивают уничтожению убежденных демократов и борцов против фашизма в Греции, в среде, которая приютит у себя осужденного нашим народным судом Панкова, первого фашистского диктатора в нашей стране, на совети которого лежит гибель 30.000 болгарских граждан.

Нет, очевидно, тут вопрос идет не о человеколюбии и не о демократии, а совсем о другом. Мы, писатели, боремся против смертной казни, но мы делаем различие между убийством Саэко и Вангетти в США и осуждением кандидата в новые диктаторы Болгарии, застрявшего палача болгарского народа, казним, несомненно, стал бы Петков, если бы ему удалось захватить власть путем переворота. Шум, поднятый международной реакцией в связи с казнью Петкова, — злонамеренный шум. За лжемерным человеколюбием мы видим хищные щупальца американских милитардеров, генералов, банкиров и дипломатов доллара, которые стремятся раздешить мир на два лагеря и подготовить новую войну. И, конечно, их борьба за «демократию», в сущности, борьба за мировое господство, и направлена против национальной и экономической самостоятельности новых европейских демократий и их мощного защитника — великого Советского Союза.

Мы знаем, что любая страна, начавшая захватническую войну, потерпит крах, как и гитлеровская Германия. Но мы не должны допустить возникновения новой войны, нового уничтожения народов, их материальных и культурных завоеваний.

Вместе с болгарским народом мы, болгарские писатели, стоим на позиции мира и демократии. Мы обращаемся к общественному мнению всех демократических и свободных стран и прежде всего к писателям с призывом бороться за сличение народных сил против агрессивного империализма, против сторонников войны, против вмешательства во внутренние дела народов, за мир и демократию.

Любимый Стаинов, Георги Караславов, Димитр Осиния, Дора Габ, Елисавета Багряна, Никола Фуриаджов, Младен Исаев, Димитр Гундов, Панчо Михайлов, Васил Пачурджиев, Гончо Велев, Димитр И. Полянов, Крум Колчаров, Николай Райнов, Орлин Василев, Николай Хрелков, Светослав Минков, Тодор Павлов, Христо Ценов-Державин, Ангел Каралийчев, Веселина Генювска, Сара Ганювска, Георги Цанев, Пантелей Зарев, Павел Делирадев.

Собрание сочинений Адама Мицкевича

Редакционный совет Гослитиздата утвердил план издания пятитомного собрания сочинений Адама Мицкевича.

Россия — единственная страна, где было выпущено в переводе полное собрание сочинений Мицкевича. Но, осуществленное еще в конце прошлого века, оно по цензурным условиям не могло включить многие произведения поэта. При советской власти сочинения А. Мицкевича издавались на русском языке неоднократно.

Новое издание включает все важнейшие поэтические произведения, политические статьи, статьи о литературе, избранную переписку Мицкевича и, таким образом, дает представление о творчестве и литературно-политических воззрениях поэта.

ИХ ДОЛЛ.ЦИНЕЯ

Аргентинский делегат на Генеральной Ассамблее Арсе заявил: «В наших жилах течет испанская кровь... Мы проинчуты высоким духом Дон Кихота и предпочитаем обнажать шпагу в защиту каких-нибудь Дульцинея...»

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Храбрые гильды из Аргентины, Бразилии и Чили.

Поездка в город Пуль, или несколько частных соображений о праве частной собственности

Сначала две выдержки из записных книжек.

Первая:

«Город в общем не успел целиком взорвать, но опустошить успели, особенно центральную часть. Все разорено, вывезено, а если не вывезено, — похищено на месте. На тротуарах под ногами хрустит стекло выбитых окон, за ноги цепляются обгоревшие провода. На углу двух улиц вывеска: «Аптека». Оба огромных окна не выбиты, а даже вырваны вместе с рамами. Ветер гуляет через аптеку из одной улицы в другую, пол покрыт сплошным месивом из осколков банок и пузырьков, из оставшейся жижи вытекших лекарств. У сорванной двери громадный полуциркуль толстый осколок стекла, остаток цветного аптекарского шара. У городского клуба, в котором тоже выбиты все окна и двери, прямо на тротуаре стоит большой конторный стол — должно быть, уже вынесен, но не успели погрузить. Ножки его обмотаны кусками красного бархатного текстильного занавеса, чтобы удобнее было выносить — не терло плечи. Двое ребят и девушка, придерживая за углы, везут на маленьких санках целый ворох фанерных листов. Спрашиваю: «Куда?» — «В аптеку стекла вставлять», — рассмеявшись, отвечает девушка».

И вторая выдержка.

«На центральных улицах почти у каждого дома затушены рамы со стеклами, осколки стекла уже подметены с тротуаров и кое-где кучками лежат у стен. Много снятых дверей. Кое-где двери остались, но с них сняли ручки. Мы заходим в один, другой, третий, в четвертый, пятый дом подряд. Паркет почти всюду начисто снят. На стенах видны следы содранных панелей. Торчат черные отрезки труб, радиаторы отопления сгнили. Общественная уборная в каком-то помещении, похожем на кино или клуб — пещеру, унитазы сняты и увезены. На углу улицы опустошена аптека. Обычная картина: оконные рамы вынуты, пол выдран, полная пустыня. Через три улицы почти такая же аптека и такая же картина. Наконец, третья аптека. В ней как раз сейчас вставляют стекла, стоит временный прилавок, и фармацевт отпускает лекарства. Говорят, что аптека открылась третьего дня».

Первая выдержка из записной книжки военного времени.

Время действия — зима 1943 года.

Место действия — город Краснодар, только что освобожденный от немцев.

Вторая выдержка из записной книжки военного времени.

Время действия — осень 1947 года.

Место действия — город Пуль (Пола), только что освобожденный от... то-есть, простите, оставшийся английскими оккупационными войсками. Оставшийся ими в пресловутой зоне «А» и переданный Югославии, согласно разделу четвертому, статье одиннадцатой мирного договора, подписанного правительством его величества.

Город Пуль—Пола—один из крупнейших городов и портов Словенской Истрии—страны, в которой хорватское население составляет и всегда составляло абсолютное большинство. Среди этого славянского края такие города-порты, как Пуль или Трст (Триест), власти на протяжении долгих лет искусственно старались заселить с таким расчетом, чтобы в городской черте преобладала национальность господствующая. Во времена, когда Пуль был австро-венгерской военно-морской базой, его искусственно заселили австрийцами, а когда он стал городом, принадлежавшим Муссолини, то в нем всячески старались увеличить число жителей—итальянцев.

Это-то искусственно созданное преобладание не-хорватского населения в нескольких городах Хорватии, за пределами которых вообще трудно услышать какой бы то ни было другой язык, кроме хорватского, и да по повод англичанам и американкам продолжать в этом смысле политику Муссолини, то-есть искусственно создавать в этом простом вопросе дикую затравку и притянуть, вроде создания пресловутой зоны «А», куда до последнего времени входил город Пуль.

Для того, чтобы читателю стала совершенно ясной нелепость бесцельности англо-американских претензий на эти города Хорватии, он должен мысленно представить себе следующие невероятные происшествие. Предположим, что англичане во время своей интервенции на севере в 1918 году искусственным образом успели заселить, скажем, Архангельск своими соотечественниками, причем сделали это столь энергично, что их оказалось более пятидесяти процентов населения. Представим себе далее, что это население сохранилось и после ухода оккупантов. Наконец, представим себе, что впоследствии на это основании англичане стали бы вполне серьезно претендовать на то, что Архангельск—английский город, для которого нужно ввести особый статут, выделить свободную территорию и что поскольку самый большой в этом крае город более чем наполовину населен англичанами, то и вообще весь край тоже в известной мере является исконной английской территорией.

Я здесь, конечно, несколько утрирую, нарочно подчеркивая нелепость подобных требований, но, по сути дела, именно пред-ставив себе нечто подобное, можно понять, как реагировали и что чувствовали хорваты, когда им говорили, что эти города—итальянские, причем один из этих городов—Трст—им так и не отдали, а другой—Пуль—отдали только после бесконечных проволок. (Как теперь выясняется, проволок эти устроили, главным образом, для того, чтобы успеть до передачи «раздетый» город догнать и «обчистить» его до нитки).

Я приехал в Пуль через какую-нибудь неделю после ухода английских и американских войск и передачи его югославскому правительству.

Хороший солнечный день, прекрасное, синее и в этот день тихое Адриатическое море, ласковое солнце, чудесная природа и опустошенный, разоренный, с отвратительной и дичинной мелочностью ограбленный город.

Я уже привел в записной книжке описание общего вида города. Остается добавить детали.

Старинный театр. Входим внутрь. Занавес содран, сцена пуста. Кулисы, пратикабли, декорации, осветительная аппаратура — все сорвано, снято, забрано, вывезено. Партер наполовину пуст: все кресла тоже вывезены, в зале — только несколько рядов стульев разных размеров, наспех свезенных сюда перед каким-то собранием.

Кинотеатр на улице Кастрополи. Экран отсутствует. Паркет выломан целиком. От-

Константин СИМОНОВ

делка стен содрана, краса вывезена. Двери сняты. Особенно странно выглядят потолки: одна половина ровного коричневого цвета, другая половина разрисована какими-то пестрыми разводами. Оказывается, коричневая половина потолка—это противопожарный потолок позднейшего времени, разрисованная часть потолка—старая. Одну половину противопожарного потолка сняли и увезли, вторую не успели. В обгоревшем вестибюле висит единственный полуоборванный плакат—реклама биографического фильма о Золя. Бородастый Золя печально смотрит на все окружающее. Интересно, что бы он сказал, увидев все это в натуре? Впрочем, не все равно, что бы он сказал. Какое дело ему, что все это разорено, до его устаревших гуманистических взглядов?

Муниципальный детский дом на улице Князя Жованни Гриот. Та же картина: выдраный паркет, выбитые стекла, ободраные стены. Впрочем, все это немножко скрашивается тем, что оставшиеся в городе рабочие — хорваты и итальянцы — уже два дня как начали ремонт дома. Кое-где уже красят стены, вставляют окна. Через месяц здесь снова будет детский дом.

Улица Виа дель Мантраччо, бывший отель «Ривьера», затем государственная таможня, потом общежитие английских оккупационных войск. Все вывезено, пусто, грязно, ободрано. Наружные стены в копоти от вывешенных прямо через окна печных труб.

Еще и еще дома: больницы, аптека, столовая, еще одно кино, еще одна аптека, дома жилые и нежилые, общественные места, городские учреждения, зеленые предприятия, школы, — все ограблено почти в совершенно одинаковой степени.

На главной улице города—огромные, уходящие в небо дремлющие развалины. Когда-то, видимо, эти величественные развалины резко контрастировали с общим видом живого и шумного города. Сейчас, при благосклонном содействии англичан, весь город превращен в нечто, прекрасно сочетающееся с этими древними развалинами.

Что ж, техника идет вперед. Время разрушительные сооружения в течение тысячелетий. Английские «культуристеры» произвели разрушение города в течение какого-нибудь года.

Недалеко от древних развалин на улице, идущей к морю, стоит прекрасно сохранившаяся, великолепная триумфальная арка времен Рима. Уж не под этой ли триумфальной аркой победоносного-города двигались к пристани английские машины, нагруженные радиаторами парового отопления и фарфоровыми унитазами? Как знать? Меняются времена, меняются триумфаторы.

Все это я пишу не потому, что мне внушает особое опасение будущая судьба города Пуля. Наоборот, за судьбу этого города я совершенно спокоен. Будут в нем и паркет, и потолки, и стекла, и двери, и медные ручки, будут и новые экраны в кино, и новые кресла в театре, и новые трубы отопления, и новые медикаменты в аптеках, и новые парты в школе, и новые детские кроватки в детском доме. Трудолюбивый и мужественный народ Югославии восстановит этот город после английской оккупации с таким же успехом, с каким он восстановит всю свою остальную страну после оккупации немецкой. В этом я уверен, хотя сделать это будет нелегко.

Я не хочу здесь особенно пространно упоминать и о всякого рода жестоких, а подчас и кровавых преступлениях, случившихся в этом городе в те времена, когда он находился под контролем английских военных властей и английской полиции.

Я хочу говорить не об этом, потому что, в конце концов, все это, взятое в целом, только частное следствие чего-то гораздо более важного, большого и общего.

А это главное заключается в следующем. Когда вначале по ходу мирных переговоров оказалось, что югославский город Пуль придется возвращать по принадлежности, то-есть югославам, и затем, когда мирные договоры были ратифицированы и окончательно выяснилось, что ничего уже не переменить и город придется передать в ближайшем будущем, встал вопрос о репатриации всех итальянских жителей города Пуль, желающих уехать в Италию.

Я мог бы написать многое и относительно сумм, выдававшихся специально на поощрение этого переселения, и относительно нелепой, живой пропаганды, которая в течение года велась в городе против Югославской народной республики; я мог бы привести очень много случаев запугивания, обманного и полунасильственного увода простых людей, которым не было ни смысла, ни расчета бросать город. Я мог бы процитировать десятки провокационных газетных статей, полных клеветы, размаху которой позавидовал бы сам дон Базильо.

Но я не хочу останавливаться на всем этом, тем более, что об этом уже много и справедливо писалось и в связи с Пулем, и в связи со всей Словенской Истрией, да и в связи с другими местами.

Мне хочется поговорить об ином. В Пуле осталось много итальянцев, главным образом, рабочих, мелких служащих, короче говоря, употреблявших наше хорошее советское выражение, — трудящихся.

Много итальянцев уехало из Пуля. Уехали люди, запуганные неизвестностью, оглушенные пропагандой, уехали вопреки своим симпатиям или интересам, волюно, похвально и совсем неволею, — история когда-нибудь разберется в этих цифрах и в этих процентах.

Но из Пуля уехали и такие итальянцы, которые покинули город совершенно добровольно, сознательно, в соответствии со своими интересами, иначе говоря, — уехали охотно. Такие люди были, и почему бы не поговорить о них? Уехал владелец кино на Виа Чамарели. Уехал владелец театра. Уехал владелец мельницы, и владелец цементного завода, и владельцы верфей и доков, и владельцы городских аптек, и много других крупных и средних итальянских капиталистов. Во времена Муссолини бывших «отцами города», за счет жителей города накопивших свои богатства, многократно вернувших себе первоначальные капиталовложения и благодаря своему господству в городе, десятилетиями получавших доходы со всего, с чего можно получить доходы: с рождения — в частном родильном доме, с болезни — в частной больнице, со смерти — в магазине надгробных памятников, с каждой тарелки макарон, с каждого стакана вина.

Все, что бы ни делал человек, давало им доход: родился, болел, умирал, ел, пил, согревался, звонил по телефону, строил себе дом, учил детей.

Но вот выяснилось, что город Пуль неизбежно войдет в состав Югославии, в состав Народной республики, то-есть такого государства, в котором правительство проводит народную политику и в первую очередь соблюдает народные интересы.

И «отцы города» справедливо решили, что одним крупным предприятием они неизбежно лишатся, так как эти предприятия будут национализированы, а другие предприятия перестанут приносить тот доход, который они приносили раньше, ибо народная власть в народных интересах никому не позволит получать ростовщические проценты на капитал.

Собравшись это, «отцы города» решили уехать, правда, прикрыв свои вполне деловые соображения пышными рассуждениями об итальянском патриотизме.

Они стали готовиться к отъезду. Если бы эти их сборы выразились лишь в том, что супруги, покрывая на горничных, улаживая вывезти свой гардероб, или даже если бы сами «отцы города» сдвинули в собственных квартирах свои и скатывали их в рукоулы, — нам не было бы дела до их уезду: давно известно, что бережливые люди (мягко выражаясь) изредка больше собственности богатым людям, чем беднякам.

Но, увы, сборы «отцов города» не ограничивались одним лишь сдвиганием мебели в собственных квартирах и простейшим «демонстражем» особенно полюбившихся ванн и унитазов.

Помимо собственных ванн и унитазов, «отцы города», опираясь на священное право частной собственности, решили демонтировать город в целом.

«Отцы города» достаточно долго полагали ростовщические проценты с городского хозяйства, чтобы знать его во всех деталях. Может быть, это несомненно с одной стороны, но по этому поводу мне невольно захотелось процитировать несколько строк из моей поэмы «Ледовое побоище», написанной десять лет тому назад. В этих строках идет речь о том, как немцы отступали из русского города Пскова в 1918 году.

Тянули скопом, без разбора
Листы железа с крыш псковских,
Комплект физических приборов
Из двух гимназий городских.

Со склада лесоматериалов,
Из элеватора зерно,
Из госпиталей одеяла,
С завода хлебное вино.

С аптечных складов триста фунтов
Бинтов, пиллол и порошков,
С астрономического пункта
Довольно северный телескоп.

Окончив все труды дневные,
Под вечер выходил отряд
И ручки медные дверные
Снимал со всех дверей подряд.

Кроме слов «псковские крыши», мне нечего было бы менять в этом описании, если бы я захотел изобразить в стихах славные действия «отцов города» Пуля, совершившие им под неусложненным наблюдением и покровительством английских властей, с помощью английских грузовиков и английских паромов.

Город, переданный по мирному договору законному правительству, город, в котором осталось многолюдное население, был попросту начисто разграблен, на том являлся основании, что все вывезенное из него являлось «частной собственностью» покидавших его людей.

Можно было бы, конечно, спорить и по поводу формальной точности этого определения, ибо, скажем, разграбленный муниципальный детский дом являлся собственностью не частной, а городской, как и государственная таможня, и многое другое, так что здесь имел место попросту неприкрытый грабеж, произвольный даже без всяких предлогов и оправданий.

Предприниматель построил двадцать лет тому назад кинотеатр. За эти двадцать лет кинотеатр посетили миллионы людей, и владелец двадцать раз получил свою первоначально затраченный капитал. И вот владелец, уезжая из города, забирает с собой двадцать раз оплаченное наперед здание: экран, стулья, пол, потолок, стены. Даже фундамент, если он считал для себя полезным его выпакывать.

Уезжает из города владелец больницы, который десять раз содрал с лежачих в больнице людей первоначально вложенный в нее капитал. Он уезжает из города и может вывезти больных на улицу, выдернуть из-под них кровати и, если ему вздумается, — взорвать и самую больницу.

Уезжает из города владелец доходных домов, домов, в которых жили и живут люди, с которых он сорок лет сдирав квартирный плату, давшим давно покрывшую все его расходы по строительству этих домов. И он считает, что имеет право выломать окна и сорвать двери, выдрать радиаторы и увезти пол, по которому сорок лет ходили эти люди.

Уезжает владелец мельницы, десятилетиями получавший мзду с каждой сценной в этом городе тарелки макарон. И он твердо убежден, что имеет право разрушить мельницу, лишив народ, который десять раз оплатил ему эту мельницу, возможности смолот зерно, испечь хлеб и приготовить себе пшщу.

Итак, пред нами «священное» право частной собственности во всем его великолепии, во всем его ханжестве и во всем его уродстве!

Бывает иной раз, что в каком-либо одном явлении, как в капле воды, видишь отражение целого мира. Так было со мной в Пуле. Невольною уродство капиталистического мира с его чудовищно понимаемым, попирающим все права и все интересы народов, правом частной собственности, — хотя в этом не было, в сущности, ничего нового, — все же вновь поразило меня с особенной силой именно здесь, потому что именно здесь все это проявилось необыкновенно наглядно, зримо, осязаемо.

Что добавит к этому?

Добавит надо английских солдат, которые с помощью военной силы обеспечивали этот грабеж, английские грузовики, английские паромы и английское «социалистическое» правительство.

Югославия — Москва. Октябрь.

На снимке: здание карело-финской базы Академии наук СССР в городе Петрозаводске. Здесь ведется большая научно-исследовательская работа по изучению производственных сил республики.

Факты без комментариев

КРАМОЛА В УЧЕБНИКАХ АРИФМЕТИКИ

Совет по делам образования штата Калифорния признал вредными некоторые разделы представленных на его рассмотрение двух новых учебников арифметики. Эксперты констатировали, что «стремление авторов обучать арифметике на примерах из повседневной жизни слишком часто приводит к весьма грустным выводам о современной Америке», вроде того, что «одна треть населения США не имеет порядочных жилищ» и т. д. Совет по делам образования распорядился удалить из учебников арифметики все, что может «привести к неприятностям».

ГРАЖДАНЕ ВТОРОГО СОРТА

Доктор Бенджамин Фиш, крупнейший специалист по вопросам школьного образования в США, в результате своих многократных поездок по различным районам страны собрал обширный материал о плачевном состоянии школьного обучения и положении учителей в Америке.

Большинство американских учителей, по утверждению Фиша, стремятся переменить свою профессию: с 1941 года 350 000 человек ушло с педагогической работы. По поводу, где только не побывал Фиш, учителя жаловались ему на то, что чувствуют себя «гражданами второго сорта», ибо власти, установленные для них местными властями и общественными организациями, налагают на них всевозможные запреты. Дело доходит до курьезов. Учителя не разрешают жениться, одеваться, как им нравятся, курить и т. п.

125 тысяч американских учителей обладают совершенно недостаточной квалификацией; одна треть всего количества педагогов в США имеет лишь среднее образование.

Статистические данные, собранные Фишем, свидетельствуют также о безобразном состоянии школьных зданий, о перегруженности провинциальных школ, где ученикам приходится сидеть на полу, о запущенности помещений и отсутствии элементарных удобств для учащихся и учащихся.

ПОСЛУШАНАЯ ФОРТУНА

Что такое послушная фортуна? Ответ на этот вопрос мог бы дать Харрей Джонс, негр, демобилизованный ветеран второй мировой войны, проживающий в г. Ахоски (США). Харрей Джонс купил лотерейный билет стоимостью в один доллар. Простодушная американская фортуна оказалась благосклонной к Харрею Джонсу, и главный выигрыш — новый автомобиль — пал на его билет. Организаторы лотереи сразу же решили испортить оплошность фортуны, осмелившейся перешагнуть через «цветной барьер». Харрею Джонсу сообщили, что автомобиль он не получит. Лотерея была разыграна заново, и пристыженная фортуна на сей раз послушно отдала выигрыш белому. Что касается Джонса, то предприниматели американцы великодушно сообразовали вернуть ему доллар, истраченный на билет. (Ньюс-уик).

Его наградили Гитлер и Трумэн

Статья о бразильском президенте Дутра «Его наградили Гитлер» вызвала в фашистской прессе Бразилии очередной истерический припадок антисоветской клеветы, что, впрочем, нисколько не изменило характера этой статьи, поскольку она и раньше предавалась этому занятию с большим профессиональным усердием.

Еще в сентябре прогрессивная бразильская газета «Жорнал де дебатес» писала:

«Достоин сожаления та безнаказанность, с которой бразильская правительственная и фашистская пресса нападает на СССР... Несмотря на установление дипломатических отношений с СССР, у нас беспрерывно делаются резкие оскорбительные и несправедливые нападки на эту страну, как будто она является враждебным государством... В частности, правительство Дутра поддерживает сейчас антисоветскую кампанию, стимулирует и одобряет оскорбления и нападки на СССР. Как было бы полезно префекту Рио-де-Жанейро съездить в Москву, когда его туда приглашали, и воочию убедиться в поразительном прогрессе, достигнутом советской властью! Может быть, после этого нашей труманизированной прессе стало бы стыдно продолжать свою клевету и измышления по адресу СССР».

Антисоветское рвение этой правительственной и фашистской прессы иногда принимало анекдотические формы. Так, например, газета «Коррейо да Маньян» обвиняла сотрудников бразильского радиовещания в «опасной враждебной деятельности» за то, что вслед за режиссером Трумэном и американским гимном они передали по радио русскую песню «Дубинушка» и симфонию Римского-Корсакова.

Гораздо менее комический характер носила статья некоего бразильского полковника в фашистской газете «Реасао насонал»:

«Нужно, чтобы западные демократии решили на проведение превентивной войны против диктаторского и тоталитарного советизма сейчас же, пока еще не поздно или не слишком поздно».

Здесь примечательны не угрожающие тавтологии бразильской марionетки, а ее совпадение во фразеологии с мрачными фигурами иностранных реакционных воротил, держащих в своих руках нити бразильской политики.

Газета «О Глобо» привела в состоянии крайнего раздражения то место в статье «Итературной газеты», где говорилось о нищете, царящей в Бразилии при режиме Дутра. Полемический прием этой газеты довольно одиозен: отбросив ругань, в которой «О Глобо», оттапши ей должное, достигла высокой степени квалификации. В фактам она не смеет прикасаться.

А их довольно много в той же бразильской и иностранной прессе.

Так, на заседании бразильской палаты депутатов 9 октября депутат Антонио Сильва заявил:

«Трудящиеся Бразилии живут сейчас в обстановке, которая сравнима лишь с положением средневековых рабов».

Бразильский сенатор Престес в интервью корреспонденту американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» сказал:

«Трумом может называть наш народ сильным и процветающим только иронически... То, что они называют голодом в Европе, является изобилием для Бразилии».

Но, судя по свидетельствам той же бразильской прессы, из этого состояния полного хозяйственного разлада в Бразилии кое-что извлекают немалые выгоды.

«Дело дошло до того, — пишет газета «О Жорнал», — что штат Минас-Жераэ оказался вынужденным срочно закупить свинное сало в США, хотя обычно мы его сами экспортировали. Мы привозим сейчас картофель из Голландии и Канады и даже спички получаем из-за границы. Может ли наша страна находиться и дальше в таком отчаянном положении?»

Эта морская держава ввозит рыбные консервы и сушеную рыбу из Канады,

Норвегии и Португалии. Эта тропическая жаркая страна ввозит винограда из Калифорнии и Аргентины. Эта плодородная земля ввозит пшеницу из США, Канады и Аргентины (ежегодно один миллион двести тысяч тонн). А та пшеница, которая производится в штате Рио Гранде до Суа, идет в большей своей части на корм свиньям, потому что не хватает транспорта для перевозки ее в другие штаты. За последние 9 лет ввезено из Индии джут для изготовления мешков на 26 миллионов долларов, хотя в Бразилии произрастает свыше двадцати видов растений, пригодных для выработки мешковины.

«Нам нужны машины, тракторы и грузовики, а не соусы, купальные костюмы и безделушки из пластмассы, — пишет в открытом письме г. Трумэну депутат бразильского парламента Сетадас Визан (газета «Демокрасия») — Наша обувная, химическая, алюминиевая, цементная и другие отрасли промышленности переживают кризис из-за американского демпинга. Даже аргентинские кинофильмы не могут демонстрироваться в Бразилии из-за запрета американских дельцов...»

Истинный хозяин Бразилии — иностранный капитал.

Именно голосу своего хозяина, а не воле своего народа подчинился президент Дутра, когда разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, не найдя, между прочим, ничего более умного, чем сослаться в качестве одного из мотивов на статью: «Его наградили Гитлер». Дескать, разоблачено, что портрет не похож. Модель пеняет на зеркало, ворота, согласно слову, кривую рогу. Для подкрепления некоторые фашистские газеты тут же приващивали соврали, заявив, что статья эта помещена в официальном органе советского правительства «Известия». Кстати, от этой выдуманной для фашистов лжи не удержались и некоторые английские источники информации, вроде агентства Рейтер и лондонского радио.

Не следует думать, что бразильский народ не понимает подлинных причин разрыва. Голосу этого угнетенного народа изредка удается прорваться сквозь обаяний реакционной прессы. Газета «Трибуна» популярно писала в эти дни:

«...Эпизод, послуживший мотивом к разрыву, имеет смешотворные масштабы и не выдерживает никакой критики... Как могли бы мы объяснить миру разрыв отношений с СССР из-за одной газетной статьи, когда наша пресса, в большей своей части заполненная фашистами, находящимися на службе у империализма, ежедневно наносит кучу оскорблений Советскому Союзу и его руководителям? Нет никакого мотива, оправдывающего такую меру; здесь просто воспользовались предлогом... Эта политика поджигателей войны, которая, не найдя поля деятельности в США, где сопротивление организованности рабочих масс сильнее, обращает свой зов оружия в такие страны, как Бразилия, где демократия была подавлена заранее. С каждым днем все более усиливается нищета нашего народа, п. как лекарство против голода, болезней и страданий, Дутра и его фашистские советники предлагают теперь разрыв отношений с Советским Союзом. Этот план исходит из уступок бразильской диктатуры американскому империализму...»

В заключение должно повториться, что в статье «Его наградили Гитлер» была допущена неточность. Как стало известно, нынешней осенью Дутра был пожалован от г. Трумэна американским орденом «за развитие идеалов демократического государства». Статья, по справедливости, следовало называться «Его наградили Гитлер и Трумэн».

СССР — как очень нетрудно понять — ничего не потеряет от разрыва дипломатических отношений с Бразилией. Что касается Бразилии, то она понесет от этого весьма опутные материальные и моральные потери и окончательно попадет в кабалу к США.

Бразильский народ встретит лакейский и антидемократический шаг своего правительства с горечью и негодованием.

Лев СЛАВИН

Двести и одна смерть

Вместо рецензии на американский документальный фильм «200 смертей»

На экране — обьекты нескольких киноаппаратов. Рядом с каждым из них стоит оператор и смотрит на вас зловещим взглядом. Диктор объявляет: — Сейчас вы увидите хроникальные кинофильмы. Мониторы из всех неслучайных случаев, которые удалось заснять нашим операторам. Двести смертей! Двести смертей! На море, на суше и в воздухе! Самые настоящие катастрофы, самая настоящая кровь! Голос диктора захлебывается от волнения: «Вы увидите сейчас нечто совершенно потрясающее!»

На экране мелькают кадры один за другим. Бык подымает на рога несчастного торредрора. Рушится недостроенный мост и под его обломками гибнут десятки рабочих. Автомобиль наезжает на детскую коляску и давит пилу и ребенка.

Нас начинают охватывать чувства тяжелого недоумения. Для чего, с какой целью этот фильм? Предостережение против нарушения правил уличного движения? Вызвать сочувствие к жертвам строительных катастроф?

Пленка крутится метр за метром. Крупным планом заснято сгоревшее лицо летчика-испытателя. Диктор торжественно провозглашает: «Через две минуты от него останется кучка пепла». Самолет взлетает в воздух, затем спешно и резко падает, через мгновение вспыхивает баг, и на следующем кадре загорелая обгоревшая зрительная кучка пепла. Диктор торжественно объявляет: «Вы увидите сейчас нечто потрясающее!»

Двести смертей! Двести смертей! Небольшой американский городок. Наводнение. Потоки воды смывают на своем пути

людей, дома, деревья. На крыше автомобиля стоят двое. «Будьте спокойны, — кричит диктор, — они тоже погибнут через минуту!» Действительно, через минуту вода смывает их вместе с автомобилем, и они исчезают в пучине.

Пленка крутится метр за метром. Скачки с препятствиями. «Из тридцати южеев к концу скачек уцелели только двое». Они не берут барьер за барьером и падают, ломая себе шею или попадая под колеса. Это современные гладиаторы, надеющиеся заработать сотню долларов, если повесят и погибнут не они, а их товарищи. Вот гонки скоростных автомобилей; автомобили взлетают в воздух на виражах или на полном ходу разваливаются на куски. Двести смертей! Двести смертей! Мир еще не видел такого сенсационного фильма! — захлебывается диктор.

Пленка крутится метр за метром. Растерявшийся демонстрационный пожарный пистолет. «Операторы подошли к огню на рекордно близкое расстояние, они стояли даже впереди спасательных команд!» Сталкиваются два автомобиля. В одном из них сидит кинопереоператор-самобийца. Он крутит ручку аппарата до того момента, пока сам не превращается в мешок, падающий костями. За его смерть родственники получают некоторое количество долларов.

По, может быть, вы довольны тем, что не успеваете рассмотреть детали каждой из катастроф? Пожалуйтесь, за ваши деньги вам продемонстрируют любую из них в том темпе, какой вас вполне устроит. К вашим услугам кадры замедленной съемки. Вот взлетает мотоцикл, переворачивается в воздухе, вместе с мотоциклом взлетает какой-то гонщик-неудачник, п. наконец,

медленно, в садистически-растянутом кадре на ваших глазах умирает живой человек. Пленка докручивается до последнего метра. Загорается свет. «За ваши деньги вы посмотрели ровно двести смертей!», — удовлетворенно, голосом дельца объявляет диктор.

Вы думаете не можете прийти к себе, — настолько потрясло вас это пиничное «искусство» современных американских киносмертишпиков. Постепенно перед вашим мысленным взором начинают вырисовываться немоты из виденных только что кадров, доставивших вам подлинное удовольствие.

На экране — группа забастовщиков. Размахивая палками, они движутся прямо на кинооператора, продолжая его сминать, набрасываясь на него, пинают, хватают киноаппарат и уничтожают его. А диктор в это время хладнокровно объявляет: «Забастовщики недовольны кинохроникером. Они уверены, что хроникер передает заснятые кадры в полицию и полиция получит кинодокументы, показывающие с достаточной убедительностью для суда, что принимал участие в забастовке».

И вы чувствуете, что ваши симпатии целиком на стороне забастовщиков, действия которых отличаются вполне понятной решительностью.

Нет, фильм назван неправильно. Речь идет не о двухстах и одной смерти, двести первая смерть — это смерть, отвратительное разложение искусства капитализма, искусства, ставшего палочником ужасов, садизма и аморальности.</

Заметки об Англии

В июле в Оксфорде состоялся 17-й по счету, первый после войны, международный физиологический конгресс.

В состав советской делегации, отправившейся на конгресс, входили академики Орбели, Быхов, Бернштам, а также член-корреспондент Академии Наук СССР Коштанов, член-корреспондент Академии медицинских наук Федоров и профессор Петров; с нами были секретари и переводчики.

А. ПАЛЛАДИН,

президент Академии наук УССР

До Берлина мы летели без всяких осложнений. Первая заминка произошла перед самым отлетом в Лондон: на берлинском аэродроме, находящемся в английской оккупации. Несмотря на то, что еще накануне из Москвы предупредили о предстоящем прибытии советской делегации и дали сведения о численности ее состава, нам было заявлено на аэродроме:

— Мы можем предоставить вам только четыре места. Остальным членам делегации придется лететь на следующий день.

Нас это очень удивило. Мы не привыкли к такому стилю гостеприимства. Когда к нам прилетает какая-нибудь делегация, таких разговоров не бывает. В случае необходимости у нас предоставляются специальные самолеты, а здесь нам предложили разделиться. Мы запротестовали. Тогда англичане предложили «ваход» из положения: «снять» самолет за наш счет — за 400 фунтов стерлингов. Дело кончилось тем, что мы разделились на две группы.

«Забойные» отношения к нам со стороны английских властей мы продолжили чувствовать и в дальнейшем. Так, при посадке на самолет каждый из нас должен был заполнить по две анкеты. В Гамбурге после проверки паспортов нам предложили безвыходно находиться в помещении ресторана на аэродроме. Приглашение в ресторан мы сначала истолковали по-своему. Но истинная нежелательность вынуждала, когда мы сделали попытку спуститься с этажом ниже. Тогда же нам было предложено вернуться обратно. Когда мы отказались, английские часовые, оказавшиеся на выходе, заставили нас, оказавшихся враспорожении — никого из нас не выпустили из ресторана на территорию аэродрома.

Наконец мы прилетели в Лондон. В самолете перед посадкой в Лондоне нам снова раздали анкеты. Первые вопросы в этих анкетах нас очень удивили: «Где вы провели ночь перед полетом в Англию? Где вы провели предыдущую ночь? Предыдущую ночь?» Такие сведения мы должны были дать о семи ночах. Эти анкеты мы сдали на аэродроме в Лондоне.

Удивляла нас очень и атмосфера, окружавшая конгресс от начала до конца. Это была совершенно непривычная для нас, советских людей, атмосфера абсолютного равнодушия к работе ученых. У нас научные конференции и съезды всегда проводятся в центре внимания общественности, всей нашей страны. Советское правительство создает самые лучшие условия для участников конференций, их работа систематически освещается в печати, газеты помещают отчеты и фотографии. Союзно-хозяйная выпускает специальные номера журналов.

Иначе обстояло дело в Англии. Физиологический конгресс был обделен полным молчанием английской печати. Лишь в одной газете промелькнуло буквально несколько строчек о предстоящем его открытии. Мы не видели в помещении, где проходил конгресс, журналистов, не видели фоторепортеров, кинооператоров. Для нас, представителей наших товарищеских стран, конгресс был личным делом тех, кто его организовал, — организовывал на членские взносы, собранные со всех делегатов конгресса.

Какой контраст тому, что мы видим у себя на родине, где наука стала поистине кровным делом миллионов трудящихся, всего народа, где правительство не щадит никаких средств, чтобы двигать науку вперед!

Разница в отношении к ученым в нашей стране и в капиталистических странах очень проявилась в таком, например, факте: мы, советские ученые, при поездках по Лондону не пользовались поездами, катаясь в Англию очень устаревшими, травмами, автобусами или метро — грязным и некрасивым, ибо наше посольство обеспечивало нас все время автомашинами. Делегаты же других стран, в том числе и США, этой помощи от своих посольств не имели.

В Оксфорде все делегаты были размещены в студенческих общежитиях, имевших колледжский характер. Нас поразило, что в комнатах этих отсутствовало водопровод. В каждой комнате находились две кухни и ведро. В колледжах существуют общие столовые, где питаются студенты и профессора, живущие в этом колледже. В таких столовых питались и мы. Это — большие длинные комнаты, где стояли большие, изящные, но покрытые пылью столы и деревянные скамьи, очень тяжелые, ничем не обитые.

Открытие конгресса состоялось в 9 часов 15 минут утра в здании, где обычно проходили торжественные собрания университета. Процедура открытия длилась 45 минут. Затем начались научные заседа-

ния. Занятия протекали в девяти секциях,

на которых было прочитано 360 докладов. Такая повестка дня делала работу конгресса непродуктивной. 54 заседания, доклады, сменяющиеся, как в калейдоскопе, — где уж тут за всем этим уследить?

Напомню только, что у нас мы часто встречаемся, когда на научных совещаниях планируется работа в трех секциях, а тут сразу целых девять!

Следует отметить, что все делегаты Оксфордского конгресса проявили живой интерес к нам, советским ученым. Все выражали свое удивление тем, что мы включились в работу конгресса и что они, наконец, после долгого времени о тех огромных достижениях советской физиологии и биологии, о которых так много слышали. Наши доклады были поставлены на секциях первыми.

Но и тут не обошлось без борьбы. Перед нами выступил немецкий представитель, на котором языке мы собираемся делать наши доклады — на английском, французском или немецком, считающихся официальными языками конгресса. (Немцы, раз уж они там, оставили язык потому, что на нем говорят народы скандинавских стран). Мы заявили, что будем делать доклады только на русском языке. Нам предложили отказаться, нам советовали делать доклады на английском, на французском, доказывая, что это — в традициях международных конгрессов, что эти языки более понятны большинству делегатов. «Вы же знаете эти языки», — говорили они нам.

Мы категорически отвергли все эти доводы и указали, что не можем и не хотим мяться с таким пренебрежительным отношением к советской науке и к русскому языку. Русский язык звучал убедительно для всего передового человечества в годы войны против немецкого фашизма, на этом языке говорят народ-победитель, народ, создавший величайшее научное наследие государства в мире. Этот язык должен занять свое законное место в работах конгресса.

— Если вы с нами не согласны, — заявили мы президиуму конгресса, — можете снять наши доклады с повестки дня: мы выступать не будем.

Мы добились своего. Доклады были прочтены нами на родном русском языке и были выслушаны с большим вниманием. В ряде случаев реакция была даже более горячей. Мне некоторые французские ученые говорили, что мои выступления были им понятнее, чем выступления английских коллег, так как наши термины звучали ближе к французской. Особенную радость и удовлетворение выражали представители славянских стран, испрыскавшие на международном научном конгрессе братскую русскую речь.

Случай этот еще раз показал, как велика ответственность советских ученых перед своим народом, как высоко обязаны мы держать знамя советской науки, ни на минуту не поступаясь нашей национальной честью и достоинством, непримиримой борьбой со всеми видами низкопоклонства перед Западом.

К чему приводит отсутствие твердой принципиальной линии в этом вопросе, показала нам пример другой группы советских ученых, присутствовавших в качестве делегатов на Лондонском химическом конгрессе, происшедшем одновременно с нашим. Мы предупредили наших товарищеских ученых, что будем делать доклады только на русском языке или вовсе не будем их делать, и советовали им следовать нашему примеру. Однако они не последовали нашему примеру и, следуя традициям их конгресса, выступили на французском и английском языках. А после завидовали нашей победе.

Несколько слов о характере самой работы физиологического конгресса. Следует признать, что по своему научному уровню он стоял ниже некоторых довоенных конгрессов. Возможно, это объясняется тем, что во время войны ученые занимались делами, о которых они на конгрессе упоминали. Мы, представители наших товарищеских стран, не могли назвать ни одного зарубежного физиолога, который выдвинул бы в докладе на конгрессе какой-либо новый вопрос, какую-либо принципиальную новую точку зрения. В основе всех выступлений лежали проблемы, разрабатывавшиеся еще до войны. Сообщались новые детали, новые подробности — и только.

Вполне естественно, что наши доклады произвели большое впечатление, ибо мы устанавливали принципиально новые факты, знакомили аудиторию с явлениями, до нас не исследованными в науке. Академик Орбели дал сводку своих работ о роли нервной системы в эволюции мышечной ткани. Академик Быхов рассказал о своих работах в области условий рефлексов, а также о влиянии света на работу нервной системы. Академик Бернштам, сделав доклад о работе по изучению влияния возбуждения и торможения в нервной системе, а рассказал о моих последних работах по биохимии головного мозга.

Каждый наш доклад заключал в себе

важные, новые для делегатов конгресса данные, являясь убедительным свидетельством того, что советская наука во многих вопросах идет вперед, что она является ведущей наукой мира, что нигде для ученых не созданы такие благоприятные условия работы, как в Советском Союзе.

На заключительном заседании конгресса состоялось присуждение ряду ученых степени доктора honoris causa.

Это делается очень торжественно, но, как и все в Англии, очень традиционно, от таких торжеств веет средневековьем. Профессора явились на заседание в мантиях, и многие произвели странное, а иногда и смешное впечатление. Очень похвальной репутацией пользовался профессор латинского языка университета Лондона, затем специальный оратор, точно сошедший со страниц Диккенса, прочел характеристики тех, кому присвоена степень доктора.

Нас многое удивляло в Англии. Удивляли лидеры оппозиции, сидящие в парламенте, пожимая плечами на стои, удивляли газеты, отдававшие большое внимание процессу бракосочетания наследной принцессы Англии с наследным принцем Греции, чем экономическому кризису, надвигавшемуся на страну, удивляло то, что в одной из лучших гостиниц Лондона, где мы жили после Оксфорда, нам давали очень немного хлеба за утренним завтраком, а затем в 2 часа за обедом и вечером (6—7 часов) за обедом хлеба совсем не давали. Хлеб насильно выдавался в небольшом количестве по карточкам, а приезжающие на неопределенный срок, как мы, карточек не получали. Промтовары продают по карточкам, так что мы не могли себе купить даже вотничков и салатов.

Но больше всего удивляла нас нетерпимость, с какой лейбористское правительство «ликвидировало» последствия войны в Англии. Иной раз мы грешим делом и мыслями подумывать, что эта нетерпимость имеет под собой определенную подоплеку: созданы из иностранцев превеликое представление о размерах бедствий, понесенных Англией. Об этом любят напоминать на каждом шагу и по каждому пустяковому поводу.

Вот пример: в комнатах одной из лондонских гостиниц, где мы жили, только прилетев в Лондон, она оказалась нестерпимо грязной, они были просто забиты картошкой. Вследствие этого в них даже днем было темно. В ответ на наш недоуменный вопрос нам заявили:

— Стокгольмский кризис! Последствие войны.

— Спрашивается: почему на улицах Лондона — мрак, почему по вечерам освещаются только площади и перекрестки? Немедленно следует ответить:

— Топливный кризис! Последствие войны.

Захотелось нам ознакомиться с известным Британским музеем. Оказалось, что библиотека музея еще не развернута, шкафы стоят большей частью пустые. В археологическом отделе функционирует лишь один зал, тот самый, который функционировал во время войны. Все остальные коллекции еще не разобраны. Почему?

— Видите ли, война... Тяжелые последствия... еще не успели...

Тот же ответ мы получили, когда пожелали осмотреть Национальную галерею. Оказалось, что картины еще не возвращены на свое прежнее место. К услугам посетителей было всего... полтора зала.

Случая эти объяснения, мы невольно вспоминали ленинградский Эрмитаж. Третьяковская галерея, кремлевская Оружейная палата, Всесоюзная библиотека им. Ленина и множество других наших сокровищниц науки и искусства, которые давно уже работают на полную мощность, хотя колоссальные их богатства были эвакуированы. Большей частью, за тысячи километров от Москвы и Ленинграда, а не за десятки километров, как достопримечательности Лондона.

Мы думали также о том, как несоизмеримы разрушения, причиненные войной Англии и нашей советской Родине, и как, тем не менее, различия по масштабам, размаху и эффективности усилий, мобилизуемых в Англии и у нас для ликвидации последствий войны.

Символом тех темпов строительства, которые осуществляются в послевоенной Англии, представляются мне так называемые «черчиллевские домики», которые мы увидели на окраинах Лондона. Это крошечки из гофрированного железа, построенные для рабочих на месте их прежних жилищ, разрушенных немецкой бомбардировкой. Правительством не спешит строить что-либо более подходящее для пострадавших рабочих.

Как жалко выглядят эти «черчиллевские» домики в сравнении с тем, что делается у нас, где буквально миллионы колхозников уже переселились из землянок в новые дома, где возродились Днепростроительский и Запорожский заводы, восстановлены целые города, возмужают новые великопоселенцы отаги социалистической культуры!

С гордостью думали мы об этом, когда пополнили итоги нашей поездки в Оксфорд, наши встречи с послевоенным Западом. Эта гордость — законная: она зиждется на глубоком осознании превосходства нашего строя и ведущей роли нашей научной мысли.

Мы не можем разделить с ними неколебную уверенность в том, что языковые процессы современности не могут быть предметом картографирования. И мы полагаем, что будет чрезвычайно прискорбно, если наши диалектологи примут на веру слова Г. Афанасова и В. Сидорова, и утратят все, что они достигли в установлении истинности происхождения слов, как МТС, «трактор» или «председатель».

Нам кажется, что именно сегодняшний язык советской деревни и должен послужить предметом самого тщательного изучения диалектологов, лингвистов и фольклористов.

Вологодские авторы в своем сборнике справедливо говорят:

«Народные говоры Чарозерского района испытали на себе сильнейшее влияние тех социально-экономических сдвигов, которые произошли в стране в результате Великой Октябрьской социалистической революции».

Тем не менее рецензенты с присущей им решительностью расправляются с этим утверждением:

«Ясно, — пишут они, — что подобного рода «выходы» не представляют большой ценности».

Так и написано: «ясно». И самое слово «ясно» взято в унизительные кавычки. Трудно поверить, что в наши дни, накануне тридцатилетия Великой Октябрьской революции, высказываются подобные мнения, да еще на страницах «Известий Академии наук».

А. МАРЬЯМОВ.

«БИБЛИОТЕКА РУССКОГО РОМАНА»

Русский классический роман завоевал мировое признание и сыграл первостепенную роль в судьбах европейского романа. Огляди на английский критиком признал, что «писатели других наций только и прыгали у ног таких гигантов, как Толстой и Достоевский». В русском романе с особой силой проявились сильнейшие стороны перестройки русской литературы — общечеловеческий характер, гуманизм. Современный советский роман, восприняв лучшие традиции русской литературы XIX века, полонит самые передовые плечи человечества и является глашатаями нового социалистического мира.

Около ста книг русского классического и советского романа помещает «Библиотека русского романа» в новой серии «Библиотека русского романа», и издание которой уже приступлено. Первые книги этой серии «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова уже вышли. Книжки рассчитаны на массового читателя и будут выходить тиражами до 300 тыс. экземпляров каждой.

В «Библиотеку русского романа» входят лучшие русские классические и советские романы. Каждый роман будет сопровождаться пояснительной статьей о творчестве писателя, месте и значении данного романа в его творчестве и вообще в русской литературе, а также необходимым историко-литературным и реальным комментарием.

НА СНИМКЕ: обложки первых двух книг «Библиотеки русского романа» работы худ. Н. Мухина.

Л. СЕРПИЛИН

ОНИ БЕССМЕРТНЫ

ПИСЬМО С УКРАИНЫ

Александр Гончар, автор романа «Знаменосцы», недавно опубликовал в журнале «Дни» свою новую повесть «Земля гудит». Эта повесть воспроизводит одну из героических страниц борьбы против немецких захватчиков на Украине — историю возникновения и деятельности полтавского комсомольского подполья во главе с отважной комсомолкой Лялей Убийвовк. В повести рассказано о том, как дочь врача одной из полтавских больниц, студентка Харьковского университета, оказавшаяся в Полтаве к моменту захвата немцами, Ляля Убийвовк организовала своих друзей на непримиримую борьбу с оккупантами, о том, как отважно боролись полтавские герои комсомолы и как мужественно и стойко встретили они смерть в неравной борьбе.

Страницы, посвященные последним дням бесстрашных комсомолов, — самые сильные в повести. Просто и сдержанно рисует А. Гончар непреклонное упорство юных патриотов перед лицом врага. Ни пытки, ни муки, ни страх смерти не в силах поколебать их волю к борьбе и победе. Они умирают непокоренными, их прекрасная жизнь до последнего вздоха отдана борьбе.

Повесть А. Гончара — чужд мрачный колорит, чуждо ощущение какой бы то ни было безнадежности. Его произведение проникнуто оптимизмом, оно утверждает бессмертие героев, сама смерть которых была победой над врагами.

Повесть «Земля гудит» отличается большей зрелостью писательского мастерства, большей экономией образных средств, чем роман «Знаменосцы». Правда, и здесь мы находим еще порою обаятельную декларативность в некоторых высказываниях героев, отдельные неточно записанные сцены. Но все это прощается писателю, покоряясь обаянию созданных им образов молодых советских патриотов.

Ярко и живо написаны образы Ляли Убийвовк, ее друзей — Сергея Ильевского, Леонида Пузанова, чудесной образной патетичностью девушки Манни, которую друзья называют Веснянкой. Это она со-

А. Гончар. «Земля гудит». Журнал «Дни», № 6, 7, 8, 1947 г.

хранит знамя разбитого немцами танкового полка, это она принимает боевое оружие из рук погибшей Ляли и друзей. Мари-Веснянка как бы связывает героическое комсомольство с грядущим, с тем, кому суждено встать на их место и увидеть День Победы.

Уже в «Знаменосцах» чувствовалась любовь автора к образам-символам. Гораздо шире и смелее пользуется он ими в новой своей повести. Одним из таких образов является знамя танкового полка, сберегаемое Мари-Веснянкой. Это полковое знамя становится знаменем комсомолов, знаменем того необоримого «полка», который заменил погибших в боях героев и которому имя — народ. Комсомолы ни разу не видели знамени, сберегаемого Веснянкой, но они знали о нем, и оно незримо осеняло их и в дни борьбы и в часы их гордой гибели.

Символичны и слова Ляли о звездах. Сидя в тюрьме, в камере, Ляля рассказывает Веснянке о том, что когда «даже как-нибудь из звезд погаснет, то и тогда она еще живет много-много лет... Светит нам».

Такой, собственно, была жизнь и самой Ляли и ее друзей: погибнув, они продолжают жить и будут жить много-много лет и освещать жизнь людям. В этом — идея повести.

Ощущение неразрывной связи с партией пронизывает всю боевую деятельность и личную жизнь комсомолов-полночинок. В трудные минуты они как бы сочувствуют с партией, мысленно идут у нее поддержки, одобрения. Пытаясь организовать конспиративную деятельность, они вспоминают Котовского; у Георгия Димитрова учатся они стойкому поведению перед фашистскими судьями. Они воспитаны партией и вие связи с партией не мыслят своего существования. Повесть А. Гончара — глубоко партийное произведение, воспитательное значение ее для нашей молодежи несомненно.

Следует пожелать, чтобы новая повесть А. Гончара была поскорее переведена на русский язык и стала известна возможно более широкому кругу читателей.

Современные инквизиторы

В будущем году исполнится 400 лет со дня рождения неоплатившего мыслителя Джордано Бруно. Весь цивилизованный мир будет чтить светлую память этого мужественного борца с обскурантизмом. Востановив против мертвых церковно-схоластических догм, служивших идейным оплотом феодальной реакции, Бруно проложил путь новой науке. Он смело выступил в защиту гелиоцентрической системы, обобщив ее в своем вдохновенном учении о бесконечности вселенной и множестве миров. Философский материализм Бруно провозгласил безграничной верой в силу человеческого разума и страстным стремлением к свободе и прогрессу.

Разуверившись в церковных догматах, полагая, что католическое богословие — основной источник темноты и несправедливости, а схоластическая аскеза — его главный пособник, Бруно собрал монашескую ризу и, отлученный от церкви, бежал из Италии. Долгие годы странствовал он по странам Европы, смело обличая господствующую в феодальном обществе предрассудки, нещадно бичуя религиозные мракобесия. Он горячо пропагандировал гегемонное открытие Коперника, опрокинувшего ненауочное представление о Земле, как неподвижном центре мира, и доказавшего, что Земля движется вокруг Солнца. Ветхому религиозному мифу о сотворении мира Бруно противопоставил смелое и плодотворное учение о бесконечности вселенной, вечной и неистощивой, находящейся в непрерывном движении и развитии.

Палкой «непопулярности» и церковных «авторитетов» Бруно противопоставил «разум и свободное исследование». Он гудячо верил в торжество разума и превозносил достоинство свободного человека.

Смелые, творческие заключения и пытки не сломили мужественного мыслителя-борца, не заставили его отказаться от своих идей. Заключенный в тюрьму инквизиции он встретил с гордым сознанием своей правоты и духовного превосходства: «Вы пропозитесь приговор с большим страхом, — бросил он в лицо своим палачам, — чем я его высудивал!»

17 февраля 1600 года на площади Кампидорифи в Риме по приговору «святий инквизиции» гегемонный мыслитель был сожжен на костре и прах его развеян по ветру.

Славя память о мужественном борце за свободу мысли, весь культурный мир с негодованием вспоминает о позорнейшем историческом преступлении католической церкви — о сожжении Джордано Бруно.

Отмечая 400-летнюю годовщину рождения Бруно, вспоминаю о золотых инквизиции, современное человечество не забудет и о том, что и в наши дни еще имеются духовные потопы и хранители традиций

Испытание временем

На вечере 30-летия советской драматургии

На днях в Центральном доме литераторов состоялся первый вечер из цикла, посвященного тридцатилетию советской драматургии. В воспоминаниях выступавших, в отрывках из спектаклей оживили театральные образы первого десятилетия молодой советской страны: «Мистерия Буйфа», «Любовь Яровая», «Разлом», «Брошеное 14-69».

В вводной речи Н. Волкова были, помимо общего анализа, живые наблюдения о творчестве, подробности, представляющие интерес для будущего историка советской драматургии. О рождении «Любови Яровой» на сцене Малого театра рассказав заслуженный деятель искусств В. Владимиров, в историю создания пьесы и спектакля «Брошеное 14-69» посвятив аудиовидеофильм артист РСФСР И. Сулак. Образом, впечатляюще говоривший народный артист СССР С. Михалков. Немногое знали о том, что Михалков играл в «Мистерии Буйфа» — пьесе, открывавшей собой историю советской драматургии.

С волнением ожидал я показа отрывков. Наряду с тем радостным чувством, какое вызывает встреча со старыми друзьями, было и ощущение: живы ли сейчас образы, некогда так покорявшие, не выветрились ли их обаяние? Словесны ли лучшие пьесы того времени на долгую жизнь, которая свойственна всякому подлинно художественному произведению?

Но вот появился матрос Шванда из «Любови Яровой» (нар. арт. РСФСР Н. Светловидов), и осязания исчезли. Он совсем не потерял, этот жизнерадостный и отважный матрос. События прошедших двадцати лет не стали в памяти его образ, и, пожалуй, даже не в памяти нашей сегодняшней молодежи. Словесны ли лучшие пьесы того времени на долгую жизнь, которая свойственна всякому подлинно художественному произведению?

Повидимому, в каждой искренней и талантливой пьесе есть крупицы исторического предвидения, и это помогает ей обрести новую жизнь через годы. Жаль, что наши театры так редко возвращаются к советским пьесам, имевшим свою славную историю.

Большим художественным событием было выступление на вечере Василия Ивановича Качалова. Я видел его в роли Вершинина на одном из первых спектаклей «Брошеное 14-69» в МХАТ. Тогда Василий Иванович впервые выступил в пьесе советского драматурга. Он играл блестяще. Но я беру на себя смелость утверждать, что сейчас он играет Вершинина лучше: разнообразнее по краскам и глубже по психологизму в психологию героя. Прошедшие двадцать лет со дня премьеры не разрушили образа, а обогатили его.

Хороший вечер, показавший жизнеспособность нашей советской драматургии.

А. КРОН.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Несправедливый упрек

Дорогие товарищи!

В «Литературной газете» от 1 октября я прочитал информацию о встрече писателей с мастерами высокого урожая.

Из этой информации я понял, что академик И. В. Якушкин вполне закономерно отверг несоответствие некоторых наших писателей в вопросах исторического сознания. Однако в качестве примера такой худшей осени из повести «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского и, в частности, утверждение автора, что в сентябре на Кубани подсолнух и кукурузу убирают одновременно.

Я только что возвратился с Кубани, именно из тех мест, о каких пишет С. Бабаевский.

Да, в сентябре на Кубани убирается одновременно и подсолнух и кукуруза. В 2.00 по среднеазиатскому времени мы присутствовали при этом факте в колхозе «Мирный Октябрь». Это было 18 сентября 1947 года. В этот же день убрали подсолнух одновременно с кукурузой в усть-лабинских колхозах.

Совершенно правдивые замечания И. В. Якушкина о разном времени созревания этих двух культур еще не означают, что и убираются они обязательно разновременно. Писатель пишет о том, что видит, что имеет место в действительности, а не о том, что должно быть согласно требованиям агрономической науки.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ.

НОВЫЕ КНИГИ

«СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ»

И. Козлов. «В крымском подполье». Воспоминания. 323 стр. Тираж 25.000. Цена 8 руб. 65 коп.

А. Ахматова. «Сынчанин кровей». Роман. Перевод с украинского И. Козлова. 285 стр. Тираж 15.000. Цена 9 руб. 20 коп.

А. Попович. «Законы жизни». Научно-художественный очерк о Павлове, Быхове, Гутенке, Винограднике, Наумовиче и других советских ученых. 627 стр. Тираж 13.000. Цена 17 руб.

Ю. Ивановский. «Взрыв и эпоха». Статьи на философские темы. 180 стр. Тираж 10.000. Цена 6 руб. 30 коп.

Л. Никитин. «Очерки русского искусства». Художественные очерки о деятелях русского театрального искусства. 268 стр. Тираж 25.000. Цена 6 руб. 50 коп.

М. Луконин. «Дни свидания». Стихи. 61 стр. Тираж 3.000. Цена 4 руб. 85 коп.

А. Мезерин. «Дорога». Стихи. 102 стр. Тираж 3.000. Цена 4 руб. 50 коп.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б-01575